

ВОСПОМИНАНИЯ

На северных подступах к столице¹

Маршал Советского Союза К. РОКОССОВСКИЙ

ИТАК, с утра 16 ноября противник перешел в наступление на всем фронте обороны армии. Сразу определился и участок, на котором он наносил свой главный удар. Им оказался левый фланг армии, то есть опять же район Волоколамска, обороняемый 316-й стрелковой дивизией и курсантским полком. Атака началась при поддержке сильного артиллерийского и минометного огня и ударов бомбардировочной авиации. В первых же налетах были применены пикирующие бомбардировщики, которые, встав в круг и пикируя один за другим, с воем сбрасывали бомбы на позиции нашей пехоты и артиллерии.

Спустя некоторое время в бой были введены и танки, сопровождаемые густыми цепями автоматчиков. Они действовали группами по 15—30 машин. Всю эту картину мы с членом Военного совета А. А. Лобачевым наблюдали, находясь в начале боя на НП командира 316-й дивизии генерала И. В. Панфилова.

С первой же минуты бой принял напряженный характер. Танки противника, несмотря на огонь нашей артиллерии, лезли напролом. Одни останавливались, стреляя из орудий по нашим противотанковым батареям, другие с подбитыми гусеницами вертелись на месте; до десятка уже горели или начали дымить, и из них выскакивали немецкие танкисты. Автоматчики, сопровождавшие танки, попав под огонь обороняющейся пехоты и артиллерии, залегли. Некоторым танкам все же удалось добраться до наших окопов, там шел жаркий бой.

Части 316-й стрелковой дивизии, поддерживавшая их артиллерия усиления, а также танки поддержки пехоты, которых в то время было еще очень немного, давали наступающим гитлеровцам жестокий отпор. По снижавшимся самолетам вели дружный огонь счетверенные пулеметы и 37-мм зенитные пушки. И не безрезультатно: время от времени то в одном, то в другом месте падал, пылая и дымя, фашистский стервятник. Картина боя и поведение наших войск вызвали у меня твердую уверенность в том, что враг сложит свои кости, не достигнув Москвы. В этом всю я еще лучше узнал Ивана Васильевича Панфилова и его ближайших соратников. Командир дивизии управлял войсками уверенно, твердо, умно. Если здесь будет совсем уж трудно, думалось мне, то помогать Панфилову нужно лишь, подкрепив его свежими силами, а использовать их он сможет без всякой подсказки сверху. С таким убеждением мы покидали его наблюдательный пункт. Лобачев отправился в курсантский полк, где тоже шел напряженный бой, а я — на свой основной КП, в Устиново, чтобы быть в курсе событий, развернувшихся во всей полосе обороны армии.

Проезжая вдоль фронта, мы дважды были обстреляны вражескими самолетами, которые патрулировали над шоссе Волоколамск—Москва и охотились буквально за каждой машиной. Останавливаясь несколько раз в пути и прислушиваясь к гулу артиллерийской канонады, я определил, что и на участке 18-й стрелковой дивизии тоже завязался бой...

К моему приезду штаб уже собрал и обобщил данные о событиях. На участке соседа справа противник предпринял активные действия небольшими силами 15 ноября. Все его атаки были отбиты 107-й мотострелковой дивизией 30-й армии. С утра 16 но-

¹ Заключительная часть воспоминаний К. Рокоссовского о битве за Москву. Начало см. в предыдущем номере.

ября началось более мощное наступление, но о результатах пока еще не было известно. Правда, из нашей правофланговой 126-й стрелковой дивизии, отражавшей атаки 14-й мотодивизии, только что поступило сообщение, что у соседа справа (107-я мотострелковая дивизия) не благополучно: немецко-фашистские войска появились на правом фланге нашей 126-й, и командир ее вынужден был бросить туда свой резерв.

На участке курсантского полка непрерывно продолжались ожесточенные атаки. Наша оборона нигде не была прорвана. 18-я стрелковая дивизия, введенная в бой левее 316-й, также мужественно отражала их, однако на стыке между дивизиями создавалось тяжелое положение: там гитлеровское командование ввело новые силы, предположительно 5-ю танковую дивизию. Впоследствии это донесение подтвердилось: 5-я танковая дивизия спешно была переброшена под Москву из Африки и ее ввели в бой, не успев даже перекрасить машины, покрытые желтой краской—под цвет пустыни. Создавшаяся обстановка вынудила меня обеспечить угрожаемое направление выдвижением туда 50-й кавдивизии И. А. Плиева и 53-й кавдивизии К. С. Мельника, что оказалось своевременным.

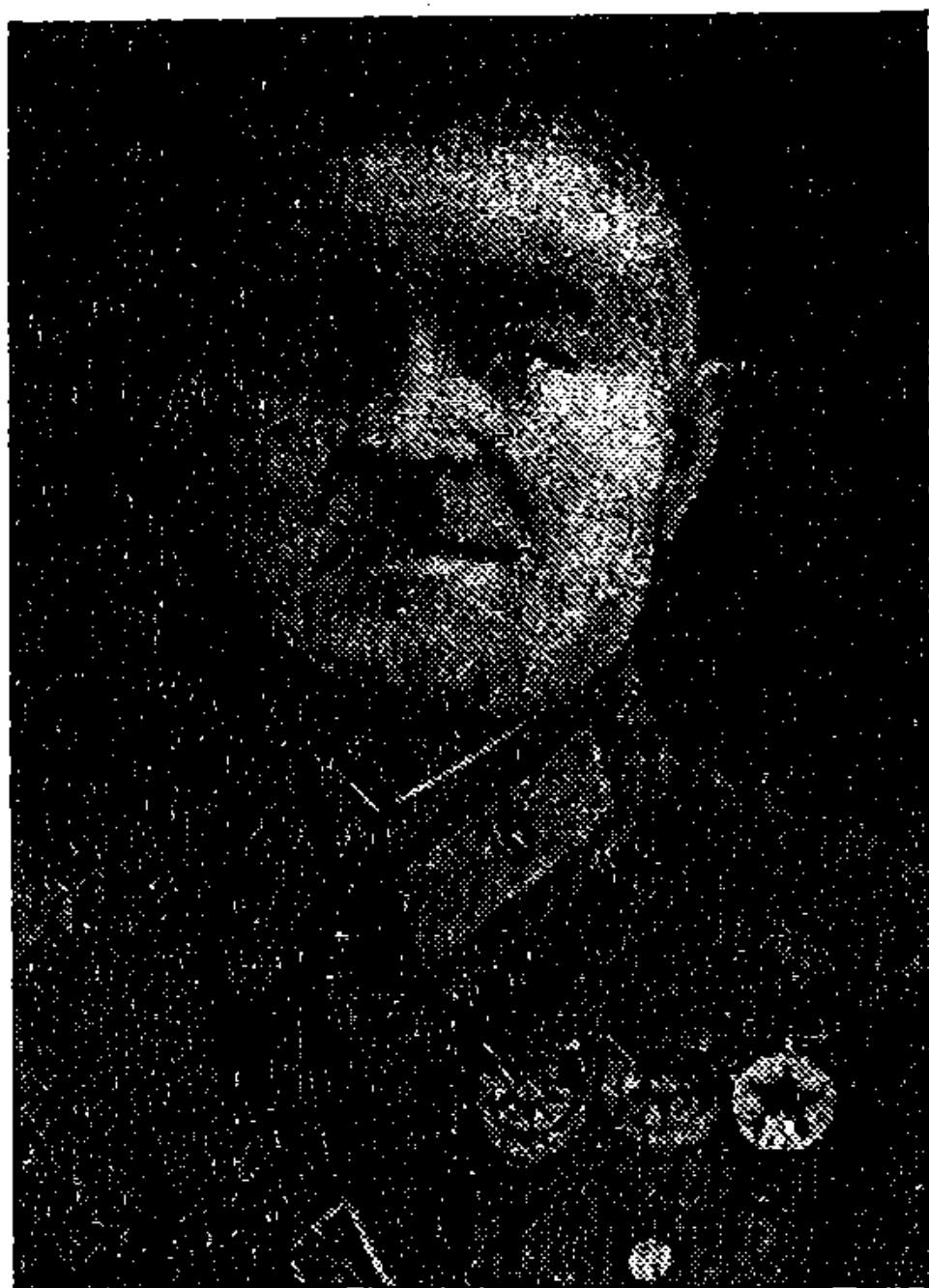
Положение на левом фланге 30-й армии сильно нас беспокоило, тем более что к вечеру 16 ноября связь с ее штабом прервалась. Я обратился с просьбой к командующему фронтом передать в мое подчинение 24-ю, 17-ю кавалерийские и 58-ю танковую дивизии, находившиеся в полосе нашей армии, в районе западнее Клина, но числившиеся в резерве фронта. Г. К. Жуков ответил, что эти дивизии по указанию Ставки подчинены 30-й армии, которая с 17 ноября передается в состав Западного фронта. Должен сказать, что такое решение Верховного Главнокомандования было правильным, хотя и сильно запоздавшим.

17 ноября противник продолжал наступление, вводя в бой все новые части. Наступившие холода сковали болота, и теперь немецко-фашистские танковые и моторизованные соединения — основная ударная сила врага — получили большую свободу действий. Мы это сразу почувствовали. Гитлеровское командование стало использовать танки вне дорог. Они обходили населенные пункты и двигались по перелескам и мелкоколесью. Если же противник не мог обойти оборону, то стягивал для ее прорыва максимально возможное количество танков, причем атаки сопровождались сильным артиллерийским и минометным огнем, а с воздуха обязательно действовали пикирующие бомбардировщики. Такой тактический прием осложнил действия наших войск. В ответ на это мы применили маневр кочующими батареями и отдельными орудиями и танками. Они перехватывали фашистские танки и расстреливали их в упор. Борьбе с «бродячими» танковыми группами очень помогали наши саперы. Передвигаясь на автомашинах, они ставили на их пути мины и фугасы. Нами поощрялась любая инициатива, проявляемая воинами, и это давало хорошие результаты. Каждую пройденную пядь нашей земли гитлеровцы обильно поливали своей кровью, теряли технику, ослабляя свою ударную силу.

Но враг был еще силен и продолжал непрерывно наносить удары. Против нашего левого крыла к 18 ноября действовали уже четыре танковые дивизии (2, 11, 5, 10-я), мотодивизия «Рейх», появились части 252-й пехотной дивизии. Противнику удалось значительно потеснить правофланговые части 5-й армии и, введя дополнительно свежие силы, быстро продвинуться в образовавшийся между армиями разрыв. Возникла угроза выхода нам глубоко во фланг. Наша армия оказалась в тяжелом положении. Противник устремился к шоссе Волоколамск—Москва, угрожая перерезать его. В этот критический момент и вступила в дело приберегавшаяся нами 78-я стрелковая дивизия А. П. Белобородова. Ей была поставлена задача контратаковать рвущиеся к шоссе немецко-фашистские войска.

Дивизия быстро развернулась и двинулась в атаку. Сибиряки шли на врага во весь рост. Удар они нанесли во фланг. Противник был смят, опрокинут и отброшен. Это был мощный удар, и он спас положение. Воины дивизии, охваченные боевым порывом, яростно преследовали гитлеровцев. Лишь выдвинув на это направление новые части, немцам удалось приостановить продвижение 78-й стрелковой дивизии.

На других участках обороны армии также шли напряженные бои. Намного пре-

И. В. Панфилов

А. П. Белобородов

восходя в силах наши войска, имея большую подвижность, постоянную поддержку авиации, противник сравнительно легко создавал в процессе боя ударные группировки. Подмерзшая земля благоприятствовала ему. Он наносил удары то на одном, то на другом участке, добиваясь местного успеха. Нам же в каждом таком случае, поскольку достаточных резервов в глубине не имелось, приходилось снимать с какого-либо участка обороны часть сил, чтобы не допустить прорыва своей обороны на угрожающем направлении. Мы вынуждены были пятиться назад. За три дня непрерывного боя части армии местами отошли на 5—8 км. Но прорвать оборону врагу нигде не удалось.

18 ноября на одном из участков 316-й стрелковой дивизии, где в этот день шел особенно упорный бой с вклинившимся в ее оборону противником, погиб на своем наблюдательном пункте командир дивизии генерал-майор И. В. Панфилов. Это была тяжелая утрата. Всего несколько часов не дожид Иван Васильевич до того радостного момента, когда беспримерный героизм и мужество всего личного состава дивизии и ее командира были по достоинству оценены партией и правительством. В этот день указом Президиума Верховного Совета СССР 316-я дивизия была награждена орденом Красного Знамени и переименована в 8-ю гвардейскую.

В ходе трехдневных боев фашисты убедились, что на волоколамском направлении им не удастся прорвать нашу оборону. Поэтому, продолжая здесь наносить удар за ударом и медленно, по 2—3 км в сутки тесня наши части, они начали готовиться к прорыву южнее Волжского водохранилища. Такое решение, вероятно, обуславливалось еще и тем, что их частям, наступавшим вдоль северного берега этого водохранилища, удалось захватить железнодорожный мост и выйти на автостраду Москва — Ленинград.

Учитывая, что на клинском направлении быстро сосредоточиваются вражеские войска и угроза с севера все усиливается, а нажим на наше левое крыло, где уже введены в действие все резервы, не прекращается, — надо было подумать о мерах, которые позволили бы улучшить положение 16-й армии и затормозить их продвижение. К этому времени бои в центре и на левом ее крыле шли на рубеже 10—12 км западнее Истринского водохранилища.

Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли собой очень выгодный естественный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону небольшими силами, некоторые части вывести во второй эшелон армии, создавая этим глубину обороны, и, кроме того, сэкономить какое-то количество войск для усиления обороны на клинском направлении.

Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом и просил его разрешить отойти на истринский рубеж, не ожидая, пока противник силой отбросит туда обороняющиеся войска и на их плечах форсирует и реку и водохранилище. Ко всему сказанному выше в пользу такого решения надо добавить еще и то, что войска армии за время непрерывных ожесточенных боев понесли большие потери в личном составе и боевой технике, не говоря уже о смертельной усталости всех тех, кто оставался в строю. Сами мы, руководители, буквально валились с ног, поспать иногда удавалось накоротке, в машине, при переездах с одного участка на другой.

Я не берусь угадывать, был ли командующий фронтом не согласен с нашими оперативными соображениями или он считал в той обстановке самым важным требовать от войск безусловного исполнения отданного приказа — не оставлять ни одного рубежа без серьезного боя, так или иначе, но генерал армии Г. К. Жуков, выслушав наше предложение и просьбу, категорически с ними не согласился и приказал стоять насмерть, не отходить ни на шаг.

Нужно ли говорить, что на войне, в боевой обстановке, часто возникают такие ситуации, когда приказ командира — стоять насмерть — является единственно возможным решением. Оно, безусловно, оправдано, когда этим достигается важная цель — спасение от гибели большинства, или же создаются предпосылки для изменения трудного положения, обеспечивается общий успех, оправдывающий гибель тех, кто должен стоять насмерть. Но в данном случае противник во много раз превосходил наши силы, позади 16-й армии не было каких-либо войск, могущих ему противостоять.

Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж настолько серьезным, что не мог согласиться с решением командующего фронтом и обратился по этому поводу к начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову, обстоятельно мотивировав свое предложение. Спустя несколько часов мы получили от него ответ. Нам было сказано, что предложение правильное и что он, как начальник Генерального штаба, его санкционирует.

Зная Бориса Михайловича Шапошникова еще по службе в мирное время, я был уверен, что этот ответ, безусловно, согласован с Верховным Главнокомандующим, во всяком случае он ему известен. Получив разрешение начальника Генерального штаба, мы немедленно подготовили распоряжение войскам об отводе в ночь главных своих сил на рубеж Истринского водохранилища. Для обеспечения отхода было приказано оставить на прежних позициях усиленные отряды, которые, выполнив задачу, должны отойти только под давлением противника. Это распоряжение с офицерами связи было разослано в части. Теперь, думали мы, на Истринском рубеже противник поломаёт себе зубы. Его основная сила — танки упрутся в непреодолимую преграду, а моторизованные соединения не смогут использовать свою подвижность.

Но этим расчетам не суждено было сбыться. Не успели войска армии получить наше распоряжение, как последовала короткая телеграмма следующего содержания, теперь уже от командующего Западным фронтом: «Войсками фронта командуя я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков».²

Приказ есть приказ и мы, как солдаты, ему подчинились. Наш план, таким образом, остался нереализованным. Между тем противник, продолжая теснить на левом крыле наши части, отбросил их на восток, форсировал с ходу Истру и захватил на ее восточном берегу плацдармы. Южнее же Волжского водохранилища он прорвал оборону на участке 30-й армии и стал быстро продвигаться своими танковыми и моторизованными соединениями на восток, расширяя образовавшийся прорыв и выходя во фланг и тыл оборонявшейся на нашем правом фланге 126-й стрелковой дивизии, кото-

² Редакция обратилась к бывшему командующему Западным фронтом Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову с просьбой разъяснить, почему был запрещен отход 16-й армии за реку Истру. Он ответил, что вопрос об отходе 16-й армии надо было решать, исходя не только из ее интересов, а из положения всего фронта. С отходом этой армии за Истру оголился правый фланг 5-й армии и направление на Перхушково, где размещался КП фронта, оказывалось неприкрытым. — *Ред.*

рая и до этого была, как говорится, на пределе и еле сдерживала наседавшего врага. Одновременно был нанесен удар и на солнечногорском направлении. Введя в бой из района Теряевой Слободы пехотные, танковые и моторизованные соединения, враг стал продвигаться в направлении Солнечногорска, обходя Истринское водохранилище с севера.

На клинском и солнечногорском направлениях создалась весьма тяжелая обстановка. Немецко-фашистское командование ввело здесь в бой шесть дивизий, из них три танковые (6, 7 и 2-ю), две пехотные (106-ю и 35-ю) и одну моторизованную (14-ю). А с нашей стороны здесь действовали: 107-я мотострелковая дивизия 30-й армии, 126-я стрелковая, 17-я кавалерийская, 58-я танковая дивизии и 25-я танковая бригада 16-й армии. Все эти войска были крайне ослаблены и малочисленны. Достаточно сказать, что в 107-й мотострелковой дивизии насчитывалось всего около 300 человек; в нашей 58-й танковой дивизии вообще не было танков, а в 25-й танковой бригаде их числилось 12, причем только четыре из них—Т-34. У противника, таким образом, налицо было большое преимущество над нашими силами. Его танковые соединения быстро стали продвигаться к Клину, обходя с севера оборонявшиеся части 16-й армии.

Для организации противодействия врагу я послал туда своего заместителя генерал-майора Ф. Д. Захарова с группой офицеров штаба. Задача этой оперативной группы заключалась в том, чтобы объединить управление оказавшимися на стыке двух армий войсками. Собрав все, что только можно было собрать в тех условиях, генерал Захаров организовал оборону Клина. Вскоре по приказу комфронта и я с генералом Лобачевым выехал в Клин. Изучив обстановку, мы пришли к выводу, что удержать город практически невозможно и нужно думать о том, чтобы задержать продвижение врага на Дмитров и Яхрому. Такая угроза стала реальной. Я дал указание генералу М. С. Малинину прислать в район Клина В. И. Казакова с артиллерией для отпора вражеским танкам.

Утром 23 ноября мне сообщили о том, что гитлеровцы заняли Солнечногорск. Нам с членом Военного совета нужно было перебраться с правого фланга поближе к центру армии, чтобы как-то парировать новую угрозу прорыва фронта армии. Предоставив генералу Захарову полную самостоятельность в руководстве войсками, находившимися в районе Клина и восточнее его, я подчеркнул, что его основная задача в данных условиях — имеющимися силами в средствах как можно упорнее задерживать продвижение противника на Дмитров и Яхрому, чтобы выиграть время, необходимое для подхода сюда свежих сил; и что кроме 16-орудийного противотанкового артполка, уже вступившего в бой за Клин и успевшего отличиться, другие из затребованных мною ранее артиллерийских средств к нему вряд ли придут, поскольку они крайне будут необходимы в районе Солнечногорска.

Распрощавшись с генералом Ф. Д. Захаровым и присутствовавшим здесь командиром 17-й кавалерийской дивизии полковником В. А. Гайдуковым, конники которого сражались превосходно в этих боях, мы с Лобачевым и несколькими командирами штаба выехали из горящего города. Пришлось выбирать по дороге на Новошапово, другого пути не было. Да и здесь на протяжении нескольких километров наши машины обстреливались вышедшими северо-восточнее Клина немецкими танками. При переправе через Сестру одна из них была разбита прямым попаданием снаряда. Поскольку Солнечногорск был уже занят противником, пришлось совершать объезд через Рогачево. Все мы имели при себе автоматы и гранаты. Лично я кроме пистолета был вооружен стличным автоматом, подаренным тульскими рабочими, и двумя гранатами.

Глубокой ночью с 23 на 24 ноября нам удалось благополучно добраться до штаба армии. Обстановка вырисовывалась, прямо скажем, безрадостная. На правом фланге, в районе Клина, крупные силы танковых и моторизованных немецких войск продолжали обходить 16-ю армию с севера. Несмотря на героическое сопротивление группы войск генерала Захарова, утром 24 ноября противник овладел Клином, но его попытки развить быстро успех на восток, в направлении на Дмитров, встретили упорное и организованное сопротивление. На солнечногорском направлении враг, оттеснив

курсантский полк, обошел Истринское водохранилище и, овладев Солнечногорском, начал продвижение на юг, в сторону Москвы. На истринском направлении наши соединения (8-я гвардейская, 18-я, 78-я стрелковые дивизии и кавкорпус Доватора) также вынуждены были отойти, местами даже на восточный берег Истры. Однако прорвать нашу оборону врагу нигде не удалось, несмотря на все его усилия. Героические пехотинцы, артиллеристы, танкисты, минометчики, кавалеристы, саперы и связисты повсюду самоотверженно сдерживали натиск, организованной обороной и контратаками наносили противнику большие потери.

В это тяжелое время резервов в армии почти не было. А в районе Солнечногорска назревала наибольшая опасность продвижения гитлеровцев в сторону Москвы.

В создавшихся тяжелых условиях мы вынуждены были собирать войска за счет ослабления обороны на других участках. Снятые с истринских позиций 289-й и 296-й противотанковые и 138-й пушечный артиллерийские полки, ранее предназначавшиеся для усиления клинского направления, были задержаны под Солнечногорском. Они развернулись там и заняли позиции. Туда же была направлена кавгруппа Доватора, усиленная двумя танковыми батальонами из армейского резерва и двумя батальонами пехоты 8-й гвардейской дивизии. Поближе к Солнечногорску, в деревне Пешки, мы решили развернуть временный КП армии, а основной перевести в Льялово.

К вечеру 24 ноября мы прибыли в деревню Пешки. Из доклада офицера нашего штаба выяснилось, что севернее ее имеются лишь весьма незначительные силы из группы генерала Ревякина, которому командующий фронтом поручил оборону Солнечногорска, да несколько танков, расположившихся непосредственно у шоссе. Соединения и части 16-й армии в назначенные моим приказом районы еще не вышли, штаб армии поддерживает с ними связь по радио.

Уточнить данные об обстановке мы не успели. Начался обстрел артиллерийским и минометным огнем. Один из снарядов угодил в наш дом, пробил стену, но, к счастью, не разорвался. Вбежавший к нам офицер доложил, что гитлеровские танки вошли в деревню по шоссе, а автоматчики двигаются по сторонам, обстреливая дома.

В такую переделку мы еще не попадали. Наши машины были оставлены на окраине деревни. Надо было немедленно добраться туда. На улице над нами со свистом проносились снаряды. Они шлепались о землю или ударяли в постройки и заборы, но не разрывались. Это были, по-видимому, болванки, которыми стреляли гитлеровские танкисты.

Разомкнувшись слегка, чтобы видеть друг друга, а собралось нас не менее 12—14 человек, мы стали пробираться к оврагу, что в конце деревни. Это удалось сделать без потерь. Затем перебрались через овраг и осторожно приблизились к шоссе. Там мы нашли свои машины, водители не бросили нас в беде. Убедившись, что, блуждая под носом у противника, мы пользы никакой не принесем, решили сразу направиться в штаб армии и оттуда управлять войсками, сосредоточиваемыми на солнечногорском направлении.

В Льялово, где расположился наш основной КП, тов. Малинин доложил мне, что уже несколько раз из штаба фронта запрашивали, перешли ли в наступление войска армии под Солнечногорском? Дело в том, что командование фронта изменило задачу, мною поставленную снятым с истринских позиций войскам: им надлежало не обороняться у Солнечногорска, а наступать и выбить противника из города. Но эта задача стала известна, когда соединения уже двигались форсированным маршем к Солнечногорску. И, конечно, на организацию наступления времени не оставалось. Поэтому оно началось поспешно. 50-я кавдивизия с двумя танковыми батальонами наступала на Мартыново, Селищево, Черни; 44-я кавдивизия — на Солнечногорск с юго-запада; 53-я кавдивизия — с юго-востока.

В первое время наступление имело успех: 50-я кавдивизия в районе Сверчково, Селищево и Мартыново разгромила 240-й пехотный полк. Остальные наши части также несколько продвинулись вперед, но затем были остановлены и отброшены в исходное положение. Противник успел подтянуть в район Солнечногорска достаточно сил для отражения всех попыток группы Доватора (ему было поручено руководство этим

наступлением) выбить врага из Солнечногорска. Наши кавалеристы, поддержанные небольшим количеством танков и истребительно-противотанковой артиллерии, действовали решительно. В спешенных боевых порядках они атаковали неприятеля. Многие населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. Но силы были неравными и конникам к ночи пришлось прекратить безуспешные попытки опрокинуть врага. Большие потери понесла конница Доватора от ударов немецко-фашистской авиации. К утру 25 ноября соединения и части этой группы перешли к обороне. Общий итог этого боя можно сформулировать так: хотя наши войска не смогли отбросить противника от Солнечногорска из-за его явного превосходства в силах, зато и ему, заняв город, не удалось развить успеха в сторону Москвы.

Войска 16-й армии напрягали все свои силы, чтобы не допустить дальнейшего продвижения вражеских полчищ ни на один шаг. Бои не затихали ни на минуту. Немецко-фашистские войска стали применять и ночные наступательные действия, чего раньше почти не делали. Они с остервенением рвались вперед, не считаясь с большими потерями.

Все мы, от солдата до командарма, чувствовали, что наступили решающие дни и нужно во что бы то ни стало устоять. Воины горели этим желанием и не жалели себя.

На правом фланге армии — на клинском направлении обстановка быстро усложнялась. Генерал Захаров объединил все части, какие только находились в районе Клина. Образовалась группа войск, в которую вошли 17-я кавалерийская, 126-я и 133-я стрелковые дивизии, полк училища имени Верховного Совета и 25-я танковая бригада. У противника же, как было установлено в боях, на дмитрово-яхромском направлении действовали части 6-й и 7-й танковых, 23-й и 106-й пехотных дивизий, а с 1 декабря и 1-й танковой дивизии.

Конечно, остановить устремившиеся к Дмитрову и Яхроме немецко-фашистские войска, обладавшие столь большим превосходством в силах, группа Захарова не могла. Но задача по замедлению его продвижения ею была выполнена с честью. Отходя с тяжелыми боями от рубежа к рубежу, эта группа вынуждала противника останавливаться, разворачиваться и вести бой, чтобы пробить себе дорогу. В десятидневных боях, оказываясь иногда в окружении, прорываясь и нанося удары врагу с фронта и с тыла, ее воины, как и все защитники Москвы, горели одним желанием — уничтожать любыми способами как можно больше гитлеровцев, ослаблять их силы до решающего момента, который был уже не за горами. В боях на дмитрово-яхромском направлении особо отличились курсанты училища имени Верховного Совета под командованием полковника С. И. Младенцева и стрелковый полк 133-й стрелковой дивизии, которым командовал полковник Н. Н. Мультан.

Гитлеровцы заметно торопились, вводя в действие последние резервы. Именно об этом свидетельствовало появление на правом фланге 16-й армии частей 1-й немецкой танковой дивизии из состава 3-й танковой группы. И хотя враг, пользуясь своим превосходством в силах, продолжал теснить наши войска, а мы были вынуждены бросить в бой все, что имелось в армии, — можно было заметить, что приближается кризис сражения.

Но пока нам еще приходилось переносить свой командный пункт все ближе к Москве. Не успели мы даже обосноваться в Льялово, как на северо-восточной окраине его развернулся бой с танками противника. В нем пришлось принять участие всем, кто находился в этом районе, в том числе и некоторым командирам штаба армии. Выручил нас дивизион 85-мм противотанковых пушек. Артиллеристы подожгли несколько вражеских танков, и атака захлебнулась. Под свист и разрывы снарядов нам пришлось из Льялово убраться и перейти в Крюково.

В связи с выходом фашистских войск в район Льялово командование Западного фронта удовлетворило нашу настойчивую просьбу и прислало на усиление армии одну танковую бригаду, причем очень малочисленную, стрелковый полк, отдельный кавалерийский, пушечный и противотанковый полки. Самый перечень этих частей говорит о том, что и командование фронта к этому времени резервов не имело. Оно вынужде-

Генерал-майор
П. Н. Чернышев

Полковник
С. И. Младенцев

но было, как и мы внутри армии, брать часть сил из одной армии и перебрасывать в другую, где угроза была большей.

Вытянувшаяся почти в нитку оборона 16-й армии находилась все время под угрозой того, что где-то она может лопнуть. Приходилось изощряться, чтобы не допустить этого, а там, где обнаруживалась трещина, изыскивать какие-то средства и своевременно подготовить, фигурально выражаясь, заплатку. Такое положение было в армии, такое и во фронте. Получив подкрепление от командования фронта, по его приказу мы предприняли попытку нанести контрудар по прорвавшейся в район Льялово вражеской группировке. Большого успеха он нам не принес, но продвижение гитлеровцев на некоторое время задержал.

Несмотря на все усилия, противнику никак не удавалось прорвать фронт нашей обороны. Все мы понимали, что враг окончательно выдыхается, нам остается продержаться совсем немного, и мы обязаны продержаться. Решением Ставки к Москве, к угрожаяемым районам, стягивались резервы. Командование Западного фронта также делало все возможное, чтобы хоть немного подкрепить ослабевшие войска, но не втягивать в бой по частям прибывавшие стратегические резервы, а сохранить их до решающего момента. Для этого требовались строгий расчет и огромная выдержка.

В одну из ночей, когда я находился на КП в Крюково, а было это в конце ноября, меня вызвал к ВЧ Верховный Главнокомандующий. Он спросил, известно ли мне, что в районе Красной Поляны появились части противника и какие принимаются меры, чтобы не допустить их в Красную Поляну. И. В. Сталин особо подчеркнул, что из этого района фашисты могут затем начать обстрел столицы из крупнокалиберной артиллерии. Я доложил, что знаю о выдвижении передовых частей противника в район севернее Красной Поляны, и мы подтянули сюда части с других участков. Верховный Главнокомандующий информировал меня о том, что Ставкой дано распоряжение об усилении этого участка и войсками Московской зоны обороны.

Вскоре начальник штаба фронта В. Д. Соколовский сообщил о выделении из фронтового резерва танковой бригады, артиллерийского полка и четырех дивизионов «катюш» для усиления 16-й армии и подготовки контрудара. К участию в нем мы привлекли еще из состава армии два батальона пехоты с артполком и два пушечных артполка резерва Ставки ВГК. Эти силы намечалось ранее перебросить под Солнечногорск. Сбор и организация войск для контрудара были возложены мной на начальника

артиллерии генерала В. И. Казакова и начальника бронетанковых войск армии подполковника Г. Н. Орла. Они немедленно отправились в Черную Грязь, где находился вспомогательный пункт управления, туда же выехал и я.

Затягивать организацию контрудара было нельзя. Поэтому все делалось на ходу. Войска, прибывавшие форсированным маршем в район Черной Грязи, получали задачу и, не задерживаясь, занимали позиции. С утра началось наступление. Наши части, поддержанные сильным артиллерийским огнем и мощными залпами «катюш», при поддержке танков, атаковали врага, не давая ему возможности закрепиться. Противник сопротивлялся очень ожесточенно, переходил в контратаки, широко используя свое преимущество в танках и авиации. Однако к исходу дня он был выбит из Красной Поляны и отброшен на 4—6 км к северу. Совместно с частями 16-й армии в этом бою участвовали и части Московской зоны обороны.

Таким образом, опасность обстрела тяжелой артиллерией Москвы миновала. Но сразу вслед за этим осложнилась обстановка на солнечногорском направлении, где действовали наши 7-я и 8-я гвардейские стрелковые дивизии, один полк 354-й стрелковой дивизии, кавкорпус Доватора и 20-я кавалерийская дивизия. Противнику удалось оттеснить эти войска на рубеж Клушино, Матушкино, Крюково, Баранцево. Все, что возможно, мы ввели в бой и на этом участке. Однако оставлять КП армии в Крюково уже было нельзя. Снаряды и мины рвались на улицах; на северной окраине шел бой с наступавшими вражескими танками, фашистские самолеты наносили удар за ударом по оборонявшимся здесь войскам. Надо сказать, что в этом бою приняла участие и советская авиация. Впервые с начала войны мне пришлось увидеть такое, сравнительно большое, количество наших самолетов. Действовали они весьма активно. Правда, численное превосходство в воздухе над полем боя оставалось на стороне врага. Да, пожалуй, и по своему качеству немецкие самолеты пока еще были более совершенны. И все же появление в воздухе наших истребителей, штурмовиков или бомбардировщиков очень воодушевляло наземные войска.

Из Крюково мы со штабом перебрались на новый командный пункт, к этому времени уже подготовленный. Ожесточенные, непрерывные бои продолжались на всем фронте и нашей, в соседних справа и слева 30-й и 5-й армий. Тяжело было повсюду. Левофланговые части 30-й армии противник отбросил на восточный берег канала Москва — Волга, ему удалось небольшими силами даже форсировать этот канал южнее Дмитрова. Значительно были потеснены к востоку правофланговые части 5-й армии. А главный удар в эти решающие дни по-прежнему приходился на участок, занимаемый войсками 16-й армии, где были сосредоточены основные силы немецко-фашистских войск, состоявшие преимущественно из танковых и моторизованных дивизий. Здесь, на ближайшем к Москве, фланговом направлении стремился враг прорвать фронт, используя все без остатка для этой цели. Ему удалось еще потеснить левый фланг нашей армии (18-ю и 78-ю стрелковые дивизии, преобразованные соответственно в 11-ю и 9-ю гвардейские) до рубежа Баранцево, Хованское, Петровское, Ленино. Продолжались ожесточенные бои за Крюково. Этот населенный пункт неоднократно переходил из рук в руки. Но дальше продвинуться противник уже не мог, он полностью выдохся.

А в это время заканчивали сосредоточение войска резерва Ставки Верховного Главнокомандования — 20-я армия и 1-я ударная армия в районе севернее Москвы, за стыком 30-й и 16-й армий. Подходили резервы и южнее Москвы. Хотя на особо угрожаемых участках фронта некоторые соединения из резерва Ставки и были привлечены в последние дни для усиления обороны, в частности в районе Яхромы, основные были сохранены для решающего момента. Это и решило в конечном счете исход сражения за Москву.

Так и не сумев прорвать оборону советских войск, немецко-фашистские ударные группировки полностью израсходовали все резервы. Наступил тот момент, когда гитлеровскому командованию пришлось перейти к обороне. Все мы это чувствовали. Активные действия в последние дни оборонительного сражения были всего лишь попыткой выиграть время, чтобы закрепиться и во что бы то ни стало удержаться на достигнутых рубежах вблизи Москвы.

Однако предпринятое по решению Ставки контрнаступление советских войск под Москвой не оставляло врагу времени для того, чтобы организовать оборону. Еще до перехода в контрнаступление под Москвой Ставка сочла нужным несколько подкрепить оборонявшиеся войска, выделив часть сил в распоряжение командования Западного фронта. Из них в 16-ю армию были переданы три стрелковые бригады. Фактически каждая представляла собой не больше, чем усиленный стрелковый полк. Однако это все же подкрепляло армию, чему мы были рады.

В контрнаступление войска нашей армии перешли без всякой паузы. В районе Красная Поляна, Льялово, Крюково бои вообще не прекращались, причем у Крюково они носили особенно ожесточенный характер. Здесь наступали части 8-й гвардейской стрелковой дивизии (в командование ею с 20 ноября вступил генерал-майор В. А. Ревякин), усиленные танковым батальоном, 17-я стрелковая бригада и 44-я кавдивизия с двумя пушечными артиллерийскими полками и двумя дивизионами «катюш». В результате почти трехдневного боя, доходившего часто до рукопашных схваток, а также обхода Крюково с юго-запада, сопротивление противника было сломлено. Оставив этот населенный пункт и ряд других, он бежал на запад, бросая оружие и технику. В бою за Крюково наши части захватили около 60 танков, 120 автомобилей, большое количество оружия, боеприпасов и много другого военного имущества. В селе Каменка враг бросил два 300-мм орудия, предназначавшихся для обстрела Москвы.

6 декабря перешли в наступление и главные силы армии на истринском направлении. Нанеся удары по фашистам, не успевшим еще организовать оборону, наши части сломали их упорное сопротивление и перешли к преследованию. Следует подчеркнуть, что глубокий снежный покров и сильные морозы затрудняли советским войскам применение маневра в сторону от дорог с целью отрезать пути отхода противнику. Так что гитлеровцам, пожалуй, нужно благодарить суровую зиму, которая способствовала отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что она стала причиной их поражения.

При отступлении немецко-фашистские войска делали все, чтобы затормозить продвижение наших частей. Они густо минировали все дороги, устраивали всевозможные минные ловушки, сжигали на своем пути все населенные пункты, а если где-либо и сохранялся какой-нибудь дом, он обязательно был заминирован снаружи и внутри.

Помню, как-то мы с Лобачевым, Малининым и еще несколькими сотрудниками расположились обогреться в таком доме. Надо было срочно принять решение и подготовить распоряжение войскам для действий на следующий день. Дом, конечно, уже был разминирован, что подтверждали лежавшие кучками собранные мины. Только собрались мы готовить распоряжения, как вошли сначала корреспонденты, а затем еще несколько человек с киноаппаратами. Помещение битком наполнилось людьми. В таких условиях не до работы. Нужно было что-то предпринять. Изъятые мины навели меня на мысль пошутить. На стене этой единственно пригодной для жилья комнаты висели обыкновенные часы-ходики. Вместо гирь у них были подвешены завернутые в материю какие-то грузила. Посмотрев туда, я обратился ко всем присутствующим с предупреждением, чтобы никто не дотрагивался до этих часов, так как они заминированы. О том, что гитлеровцы оставляют всевозможные «сюрпризы», все присутствующие хорошо знали. Естественно, что после моего предупреждения никому, кроме занятых со мною сотрудников штаба, не захотелось оставаться не только по соседству с часами, но и в самой избе. Довольно скоро в результате этой шутки мы получили возможность приступить к работе, не обижая товарищей.

С вводом в промежуток между 16-й и 30-й армиями войск 1-й ударной и 20-й армий, переданных Ставкой ВГК Западному фронту, полоса наступления нашей армии значительно сузилась. Это позволило создать второй эшелон, чтобы наращивать силу удара там, где противник оказывал особенно ожесточенное сопротивление. Наступление развивалось успешно.

Войска соседней с нами справа 20-й армии, правда, медленно, но шли вперед на солнечногорском направлении. Соседняя слева 5-я армия также начала продвигаться

Военный совет 16-й армии. Справа налево: М. С. Малинин, К. К. Рокоссовский, А. А. Лобачев, В. И. Казаков

на запад, имея задачей сковать как можно больше сил врага и этим помешать ему усиливать направление, где наступали левофланговые части 16-й армии.

Штаб фронта информировал нас и об успешном наступлении правофланговых армий фронта — 30-й и 1-й ударной, а также о том, что Ставкой приказано перейти в наступление и левофланговым соединениям Калининского фронта. В этой обстановке наибольшее беспокойство вызывало то обстоятельство, что на пути наступления 16-й армии находился очень сильный рубеж — река Истра. Чтобы не дать врагу закрепиться на нем, соединения армии получили указания стремительно продвигаться вперед и на плечах отступающих форсировать реку. Мы заблаговременно подготовили соответствующую группировку наиболее подвижных войск для обхода Истринского водохранилища с севера и с юга на случай, если противник успеет взорвать шлюзы.

Бои уже шли на подступах к Истринскому рубежу. По всему чувствовалось, что сопротивление врага усиливается и преодолеть его с ходу наступающим не удастся. Поэтому все наше внимание было уделено усилению обходящих групп — правой Ф. Г. Ремизова и левой М. Е. Катукова. Как и предполагалось, гитлеровцы подорвали дамбу водохранилища. Хлынувшая вода образовала мощный поток, который создал огромные трудности для наших войск. В этих условиях большую роль сыграли обходящие группы. Своими ударами в обход с севера и с юга они облегчили выполнение задачи стрелковым дивизиям по преодолению Истринского рубежа, вынудив противника к отступлению. Исход сражения был решен в нашу пользу.

Не могу ограничиться только общим мазком штурма этой водной преграды. На моих глазах сибиряки А. П. Белобородова в исключительно тяжелых условиях, в сильный мороз, под огнем врага форсировали бушующий водяной поток. В ход были пущены все подручные средства: бревна, заборы, ворота, плоты из соломы, резиновые лодки — все, что только могло держаться на воде. Герои-сибиряки сделали, казалось бы, невозможное и обратили врага в бегство. Конечно, этот штурм хорошо обеспечили наши славные артиллеристы и пулеметчики, прикрывавшие свою пехоту во время переправы.

Нужно сказать, что артиллерия и минометы как в обороне, так и в наступлении с честью оправдывали свое предназначение.

Начиная с первых дней войны основным средством противодействия вражеским танкам, которые подавляли своей массой и большой подвижностью, являлась прежде

всего артиллерия. Неувядаемой славой покрыла она себя в битве под Москвой. В частности, это полностью относится к тем артиллерийским частям, которые входили в состав войск 16-й армии или взаимодействовали с ними. Твердая вера в мощь своего оружия удерживала личный состав батарей у своих орудий, несмотря на явное численное превосходство врага и нависавшую сплошь и рядом угрозу быть раздавленными надвигавшимися на артиллерийские позиции танками. Артиллеристы, где этого требовала обстановка, вели огонь до последнего снаряда и до последнего орудия, успешно отражая яростные атаки врага.

Преодолев Истринский рубеж, войска армии продолжали с боями продвигаться на запад, не давая возможности противнику приостановить наше наступление и организовать оборону. Для того чтобы оторваться от преследовавших и наседавших на него наших частей и сохранить от гибели свою живую силу, враг, отступая, вынужден был бросать все, что мешало бегству. Войскам 16-й армии все чаще стали попадаться участки, где дороги на большом своем протяжении были буквально завалены брошенной техникой и различного рода имуществом. Чего здесь только не было: сотни танков и самоходных орудий, тягачи, орудия разных калибров, тысячи всевозможных машин, ящики с боеприпасами и бесчисленное количество бочек — тары. И все это, как правило, было заминировано, густо минировались и обочины по сторонам таких завалов. Естественно, продвижение наших войск замедлялось. Вспомним, что в то время не было специальной техники для прокладывания колонных путей по целине и особенно по глубокому снегу. А имевшиеся в инженерных частях и в войсках довольно примитивные средства еле успевали справляться с расчисткой готовых дорог, не говоря уже о сооружении новых. Чтобы ускорить наступление, мы широко применяли лыжные подразделения, но они оказывались слишком слабыми, чтобы задержать отходившие гитлеровские войска на такое время, которое позволило бы нашим главным силам подойти и уничтожить их.

Чем дальше отдалялись наши соединения и части от Москвы, тем более возрастало сопротивление противника. Из документов, попадавших в наши руки, и по показаниям пленных нам стало известно о том, что Гитлер издал приказ о переходе к стратегической обороне. Тем самым ставилась задача во что бы то ни стало остановить продвижение советских войск и, используя наиболее выгодные рубежи и суровые зимние условия, нанести им как можно большие потери, готовясь к решающей летней кампании 1942 года.

Особенно упорные бои развернулись на Волоколамском рубеже — том самом, с которого в октябре 1941 года фактически началось сражение непосредственно за Москву. Тогда немецко-фашистское командование, сосредоточившее здесь огромные силы, предвкушало уже победное вторжение своих полчищ в нашу столицу. Теперь же вместо намечавшихся им победоносных торжеств пришлось позорно бежать на запад, думая лишь о том, как бы остановить наше наступление.

Но трудно было и нам. В длительных оборонительных сражениях, а затем в контрнаступлении войска 16-й армии понесли большие потери. В дивизиях насчитывалось по 1200—1500 человек. В это число входили артиллеристы, минометчики, саперы, связисты и штабы. Пехотинцев или, как тогда было принято говорить, активных штыков оставалось вообще очень мало. Не лучшим было положение и в соседних с нами армиях. Весьма серьезные потери в боях нес командный и политический состав, поскольку его ни при каких обстоятельствах не разрешалось выводить из поредевших частей на формирование в тыл.

Еще до подхода к рубежу на реках Лама и Руза командование Западного фронта все чаще стало прибегать к созданию группировок то на одном, то на другом участке. Для этого какая-то часть сил из одной армии передавалась на усиление в другую и т. д. Делалось это для того, чтобы хоть как-то наращивать силы для продолжения наступления. Подобная импровизация давала некоторый успех, но только частного характера. С выходом же на Волоколамский рубеж стало совершенно ясно, что врагу удалось оправиться от полученных ударов, его оборона становилась все более организованной и прочной.

В первых числах января контрнаступление советских войск под Москвой завершилось. Северная и южная ударные группировки противника были разбиты и отброшены на 100—300 км. Непосредственная угроза столице и Московскому промышленному району была полностью ликвидирована. В середине января по решению Ставки Верховного Главнокомандования на разных участках советско-германского фронта было предпринято общее наступление. Но об этих и других событиях Отечественной войны мы расскажем в дальнейшем.

✓ В боях за Теруэль

Генерал-майор в отставке
Я. ТОНКОНОВ

ТРИДЦАТЬ лет прошло с тех пор, как в Испании началась война за свободу и демократию, война против фашизма. Мы, советские люди, с волнением следили за этой неравной борьбой испанского народа против фашистов.

Тогда во всем мире развернулось широкое движение солидарности в защиту Испанской республики. Антифашисты многих стран, желая помочь свободолюбивому испанскому народу, с трудом добирались до республики. Сотни добровольцев прибыли в Испанию и из Советского Союза. Я тоже отправился туда и стал военным советником 39-й дивизии, потом 14-го корпуса республиканской армии. Вместе с 39-й дивизией мне довелось участвовать в Теруэльской операции (15. 12. 1937—8. 1. 1938). О ней и хочу рассказать.

Ведя длительные оборонительные бои за Мадрид, республиканская революционная армия в декабре 1937 года перешла в решительное наступление юго-западнее Теруэля. Цель этой операции состояла в том, чтобы стремительным ударом с трех сторон окружить и уничтожить врага в районе Теруэля и сорвать готовившуюся итало-германскими интервентами операцию по захвату Мадрида. Это был смелый и весьма рискованный план. На данном этапе борьба за Теруэль с его коммуникациями и центральным положением на Восточном фронте являлась важной и, пожалуй, решающей проблемой, ибо теруэльский выступ позволял итало-германским интервентам и генералу Франко в удобный момент осуществить давнее их намерение кратчайшим путем прорваться к Средиземному морю. Однако нелегко было республиканской армии начинать Теруэльскую операцию: в армии не хватало боеприпасов и оружия.

В первый день наступления на Теруэль войска группы «А», в состав которой входила 39-я дивизия, несколько раз бросались в атаку на укрепления врага, но успеха не имели. Тяжелее всего в этот день было 22-й бригаде республиканцев. Ее батальоны, наступая по открытому каменистому плато, первыми было ворвались в расположение врага, но шквал пулеметного и минометного огня из глубины и налетевшая штурмовая авиация остановили движение наступающих частей. 22-я бригада с большими потерями вынуждена была отойти на исходные позиции.

Гранитная гора, которую почему-то все именовали Санта-Барбарой, как неприступная крепость, стояла на пути к Теруэлю. Стремясь удержать теруэльский выступ, итало-германские интервенты, довольно умело используя природные каменные барьеры в сочетании с огнем многоствольных минометов, создали на этом направле-